

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. К. БАБКО*

С Анатолием Кирилловичем я познакомился весной 1960 года, когда еще учился в политехническом институте. Я сделал доклад на заседании секции химического общества им. Д. И. Менделеева, по предложению Анатолия Кирилловича был рекомендован в аспирантуру, в которую и поступил в том же году после окончания института. Недолго пришлось работать под его руководством, менее восьми лет, но эти годы запомнились на всю жизнь. До сих пор почти ежедневно вспоминаю самого Анатолия Кирилловича, а также ту неповторимую научную атмосферу 60-х годов, которую в значительной степени определяли такие химики, как он, А. И. Бродский, А. И. Киприянов, Е. А. Шилев. Часто рассказываю своим друзьям и знакомым об этом замечательном человеке и ученом, об одном из немногих людей, в которых большой научный талант сочетался с трудолюбием, организованностью, высокими моральными принципами и личным обаянием.

Лаборатория аналитической химии ИОНХ АН УССР, где я работал, в то время состояла из исследовательской группы, 15-20 человек, которой непосредственно руководил Анатолий Кириллович, и контрольно-аналитической, которой руководила П. В. Марченко, а Анатолий Кириллович консультировал, уделяя этой группе также много внимания. Успешной работе способствовали хорошие деловые отношения заведующего лабораторией с директором Ю. К. Делимарским, тесные научные контакты нашей лаборатории с другими лабораториями, постоянные встречи с аналитиками университета и других научных центров Киева на заседаниях Менделеевского общества.

Среди многих созданных Анатолием Кирилловичем научных направлений, актуальных до сих пор, важное место занимал хемилюминесцентный анализ – одно из его последних увлечений. Изучением хемилюминесцентных реакций занимался и я вместе с Н. М. Луковской, Л. И. Дубовенко, А. В. Терлецкой.

Руководство работой почти всех сотрудников Анатолий Кириллович осуществлял сам. Он давал не только тему работы, но и ссылки на литературу, обсуждал постановку отдельных опытов, написанные статьи, иногда приносил даже реактивы. Помню, как однажды отобрал у меня принесенные ранее реактивы, требуя быстрее оформлять диссертацию. Пришлось синтезировать самому. Руководство при этом не превращалось в опеку. Если работа шла хорошо и без его участия, он предоставлял возможность работать совершенно самостоятельно, советуя все же окончательно с ним не порывать – он, мол, еще пригодится. Один-два раза в неделю он сам навещал сотрудников. Почти в любой день можно было

* Рукопис надано автором

обратиться к нему по своей инициативе. Если обсуждаемый вопрос был сложным, он обычно предлагал изложить свои соображения в письменной форме, потом сам отвечал письмом и, наконец, происходила встреча. Статьи, направляемые в печать, обсуждались дополнительно на заседании лаборатории, на которое Анатолий Кириллович, как правило, уже не приходил. Некоторые молодые люди требовали, чтобы он являлся, так как дискуссии иногда заканчивались ссылкой на его авторитет. Позже мы поняли его поведение. Обсуждение планов, отчетов, докладов на семинарах всегда происходило с участием Анатолия Кирилловича.

Обстановка на заседаниях была демократичной. Он не пренебрегал высказываемыми пожеланиями, не обижался за критику, хоть и редко признавал свои ошибки. Слишком напряженную атмосферу, которая временами возникала на заседаниях, умел разрядить подходящей шуткой. После одной бурной дискуссии подарил мне специально приготовленный рисунок, где был изображен цыпленок, кричащий на медведя. Выступления самого Анатолия Кирилловича не отличались особым ораторским блеском. Он говорил несколько запутанно, однако всегда о важных вещах, по существу. Находил яркие примеры, просто объяснял сложные явления. Его выступления надолго запоминались, а исключительное знание химии вызывало уважение и восхищение. На конференциях он постоянно находился в центре внимания.

Своеобразным было отношение Анатолия Кирилловича к дисциплине. Мог отчитать за пропуск заседания Менделеевского общества, хотя участие в нем было, конечно, добровольным. Своевременные и конкретные планы и отчеты о работе требовал в весьма настойчивой форме. Не любил, когда ему что-либо обещали сделать и забывали об этом. Опозданий же на работу старался не замечать. Однажды встретил меня в городе в рабочее время и, извинившись за любопытство, поинтересовался, что я здесь делаю. “Ищу подходящую столовую”, - бодро ответил я. Состоялся небольшой разговор о предприятиях общественного питания. Он был очень деликатным человеком. Перед грубостью оказывался просто беззащитным – краснел, кряхтел и молча уходил. Сам он работал много и интенсивно, иногда засиживался до 10-11 часов вечера, приходил в институт в выходные дни. От сотрудников же никогда не требовал просто интенсивной работы. Всегда пробовал разобраться, почему она не идет. Только убедившись в отсутствии объективных причин, начинал угрожать перевести провинившегося на менее интересную работу (что было вполне реальным) или вообще не переаттестовывать. Такие угрозы, впрочем, раздавались редко. Глядя на его увлеченность наукой, просто невозможно было оставаться равнодушным. Да и система отбора при поступлении на работу действовала довольно успешно – принимались люди, проявляющие интерес к научным исследованиям.

Мы воспитывались в обстановке добросовестного отношения к работе, постоянного внимания к себе со стороны Анатолия Кирилловича. Он со всей серьезностью относился не только к защитам диссертаций, но и к переаттестации инженеров. Был объективным на экзаменах. Любил

подчеркнуть, что до того, как услышит ответ экзаменуемого, всегда считает его отличником. Не все, конечно, оставались отличниками после ответа. Можно было безнаказанно, в панике, забыть формулу органического реагента, но незнание основ химии не прощалось. При оценке научной работы главным считал ее новизну и полезность. Всегда выделял исследования, результаты которых невозможно было заранее предвидеть. К диссертационным работам подходил с такими же критериями. Однажды показал нам отрицательный отзыв об автореферате диссертации, выполненной на низком научном уровне и посвященной неактуальной проблеме. В автореферате Анатолия Кирилловича чрезмерно хвалили, и в отзыве ему пришлось отметить также проявленную автором вежливость.

Он помогал нам не только советами при выполнении какого-то конкретного исследования, но и учил правильному подходу к научной работе вообще.

Вот те первые уроки, которые я усвоил или пытался усвоить, работая с Анатолием Кирилловичем.

- Не нужно браться за работу в той области, где ты не специалист.
- Нельзя останавливаться на полпути: начатое исследование надо либо бросить, если работа зашла в тупик, либо быстро доводить до конца.
- Проверять надо все, даже очевидные на первый взгляд вещи.
- Важны даже незначительные факты, если они не укладываются в существующие представления.
- Научную работу надо хорошо планировать, избегать бесполезной траты времени.

Время Анатолий Кириллович ценил, можно сказать, превыше всего. “Вещь потеряешь – ее можно найти или заменить, время потеряешь – не вернешь”, - любил он говорить, словно предчувствуя скорую кончину, и старался сделать как можно больше.

Еще будучи студентом, я познакомился с редакторскими способностями Анатолия Кирилловича. С доцентом С. Я. Шнайдерманом мы направили четыре статьи примерно одинакового научного уровня в разные журналы. Три из них были опубликованы в союзных журналах без существенных исправлений. Из «Украинского химического журнала» статью возвратили на переработку, с положительной рецензией, но с некоторыми замечаниями редактора, как было сказано в сопроводительном письме. Наша статья была почти полностью переписана от руки. Семен Яковлевич со вздохом объяснил мне, что это почерк А. К. Бабко, редактора журнала и автора книги «Физико-химический анализ комплексных соединений в растворе», с которой я в то время почти не расставался. Когда статья была опубликована, мы не раз с благодарностью вспоминали Анатолия Кирилловича и в этом отношении были, конечно, не одиноки. Многие мои

знакомые до сих пор помнят его редакционные замечания, часто в юмористической форме, сделанные много лет тому назад. Даже такие контакты с ним много значили для этих людей. Они учились не только научному редактированию, но и адекватной оценке результатов исследовательской работы.

Анатолий Кириллович всегда требовал предельной ясности при изложении экспериментальных данных и их обсуждении, строгой аргументации, разграничения доказанного и предполагаемого, соответствия выводов статьи содержанию работы, минимального, но достаточного для понимания материала, количества иллюстраций. Учил нас не забывать о том, что каждое ненужное слово или формула – это и потеря места в журнале и лишний труд наборщиков. Совершенно недопустима публикация статьи с неясным описанием методики опытов или способа доказательств сделанных выводов. На слово авторам не поверят, и работу кто-то вынужден будет повторить, считал он. Анатолий Кириллович был непревзойденным мастером научного редактирования. Наши сложные запутанные предложения под его пером быстро превращались в простые, ясные по смыслу, а объем текста значительно сокращался. С введением к статье вообще редко кому везло. Обычно он его перечеркивал и писал заново. Советовал, чтобы статья перед окончательным оформлением хотя бы месяц «отлежалась». Тогда при чтении быстрее обнаруживаются слабые места. Не любил кратких сообщений. Статьи рекомендовал публиковать только после того, как исследование будет полностью закончено, и к полученным результатам, с учетом имеющихся возможностей, уже ничего нового добавить нельзя.

Очень дорожил научной репутацией. Предостерегал, что, прочитав одну-две статьи с грубыми ошибками, люди могут на всю жизнь потерять доверие к авторам. Был внимателен при цитировании литературы. Присваивать себе чужие мысли – это не меньший грех, чем обыкновенное воровство, говорил он. Даже когда давал ссылки на литературу, отмечал те из них, на которые ему кто-то указал (например. К. Б. Яцимирский). Однажды процитировал и меня, сообщив на семинаре по философии, что я его ознакомил с интересной книгой по науковедению. Молодой человек, конечно, был польщен.

Не удивительно, что большинство его собственных статей и книг и в настоящее время поражают ясностью изложения. Особенно хотелось бы отметить «Физико-химический анализ комплексных соединений в растворе». Трудно найти другую книгу, где бы так ясно и последовательно излагались принципы равновесий в растворах. Она, мне кажется, просто незаменима для тех химиков, кто хочет хорошо разобраться в данном вопросе. Отдельные ее разделы к настоящему времени могли и устареть, но в целом она, по-видимому, намного опередила свое время. Переиздание книги Анатолия Кирилловича с дополнениями и примечаниями принесло бы не только пользу науке, но и явилось бы еще одним свидетельством нашей памяти о ее авторе.

Невозможно забыть Анатолия Кирилловича и просто как человека – интересного, с широким кругозором, доброго, внимательного, отзывчивого, веселого от природы, безгранично любящего жизнь. Он следил не только за литературой по химии, перечитывая большинство книг и журналов по аналитической и неорганической химии, но был также хорошо знаком с достижениями науки в других областях. Как только появились лазеры, Анатолий Кириллович уже знал об их устройстве и возможностях. Интересовался философией, политикой, любил литературу, поэзию, театр. Занимался фотографией, катался на лыжах, водил машину, увлекался туризмом. Уже после его смерти я с группой туристов путешествовал по Кольскому полуострову. В Апатитах, в Минералогическом музее мы неожиданно для себя нашли следы пребывания Анатолия Кирилловича – запись в книге посетителей.

Вот таким остался в нашей памяти Анатолий Кириллович. Он умер неожиданно, на 63-м году жизни. Катался на лыжах после перенесенного инфаркта, потерял сознание в результате сердечного приступа и замерз. А мы потом многие годы приходили в себя...

Доповідь на урочистому засіданні Вченої ради ІКХХВ НАН України, присвяченому 90-річчю від дня народження А. К. Бабка (14.06.1995)

З Анатолієм Кириловичем я працював приблизно вісім років, з 1960 р. до його смерті в 1968 р. Мені відповідно було тоді 22 і 30 років. Це були, мабуть, найкращі роки життя, період становлення наукового працівника. Не дивно, що запам'яталось майже кожне сказане ним слово.

Наш Інститут тоді входив до складу Інституту загальної та неорганічної хімії і знаходився в центрі міста, по вул. Леонтовича. Існували всі умови для проведення наукових досліджень, перш за все – наукова атмосфера. Відбувались регулярні засідання лабораторії аналітичної хімії, якою керував Анатолій Кирилович, та сектору хімії комплексних сполук, до якого лабораторія входила організаційно. Працювали наукові семінари – нашої лабораторії та загальноінститутський з хімії комплексних сполук. Аналітики міста регулярно зустрічались на засіданнях Менделєєвського товариства. А Анатолій Кирилович давав цікаву тематику досліджень і в усьому допомагав при їх проведенні. Результати досліджень, виконаних в лабораторії, були відомі далеко за її межами.

Про значення робіт Анатолія Кириловича для фотометричних методів аналізу можна коротко сказати таким чином: він перетворив їх із мистецтва в науку. Від прописів методик хіміки-аналітики перейшли до свідомого вибору умов проведення реакцій.

Він зробив не менший внесок і в хімію комплексних сполук – основу сучасної хімії взагалі. Одночасно з Б'єррумом сформулював принцип ступінчастої дисоціації комплексів у розчинах, запропонував методи визначення складу комплексів та стійкості до дисоціації, розробив основні підходи до вивчення та застосування в аналізі змішаних комплексів. Мало

хто пам'ятає, що Анатолію Кириловичу належать перші спроби встановлення кореляцій між стійкістю комплексів до дисоціації та основними характеристиками центрального іону та лігандів.

Він займався також флуоресцентними методами аналізу, екстракцією, хроматографією, співосадженням, іонним обміном. Під його керівництвом розроблені основи хемілюмінесцентного методу аналізу. Була сформульована й успішно вирішувалась проблема реакційної здатності сполук металів в умовах їх визначення фотометричними та іншими методами.

Анатолій Кирилович завжди брався саме за важкі завдання, з якими мало хто міг упоратись. Іони металів були високозарядні, схильні до гідролізу, а ліганди – “нестандартні”, як, наприклад, пероксид водню.

Наукова тематика, якою займався Анатолій Кирилович, не втратила своєї актуальності до цього часу і є основою наукових досліджень у нашому інституті, Київському університеті і в більшості наукових центрів України. Добре відомо, що після смерті Анатолія Кириловича ще протягом багатьох років зростала кількість посилань на його праці. Це є характерним для результатів досліджень, які набагато випередили епоху.

Великою заслугою Анатолія Кириловича є його участь у створенні відомої школи хіміків-аналітиків – А. Т. Пилипенко, І. В. П'ятницький, Б. Й. Набиванець, Ф. Г. Жаровський, М. М. Тананайко, М. Й. Штокало та багато інших. Він терпеливо навчав нас підходу до наукової роботи, особливо на стадії її планування, оформленню результатів досліджень, допомагав навіть писати реферати для РЖХим. До кінця свого життя читав лекції в університеті, був консультантом кількох аналітичних лабораторій міста. Написані ним та за його участю книги і сьогодні не втратили цінність для студентів та хіміків-аналітиків.

Анатолій Кирилович багато зробив для розвитку наукових досліджень і в організаційному відношенні, очолюючи Наукову раду з хімії комплексних сполук НАН України та виконуючи обов'язки члена комісії з аналітичної хімії Міжнародного союзу з чистої та прикладної хімії.

Протягом майже десяти років він був відповідальним редактором “Українського хімічного журналу”. Цей журнал він зробив одним із кращих у тодішньому Союзі, його одним із перших почали перекладати англійською мовою під новою характерною назвою “The Progress in Chemistry”. Він цьому журналу приділяв дуже багато уваги, вникав у суть, мабуть, кожної статті. Багато моїх знайомих, у тому числі органіки та електрохіміки, і досі пам'ятають його редакційні зауваження до їхніх статей, часто висловлених в гумористичній формі.

В усьому проявлялась висока наукова принциповість Анатолія Кириловича: при оцінці наукових робіт (як своїх, так і інших); під час екзаменів, при переатестації співробітників, у рецензуванні статей, у відгуках на дисертації, у ставленні до співавторства в наукових статтях.

Йому вдавалось також у ті важкі роки зберігати і певну громадянську позицію. Він був членом партії і, кажуть, досить дисциплінованим. Але досить часто наука виявлялась для нього дорожчою, ніж партія. Якось незабутній М. С. Хрущов у своєму виступі на одній нараді навів паперову хроматографію як приклад абсолютно непотрібного для практики методу аналізу. Анатолій Кирилович згадав про цей виступ на Вченій раді і пояснив, що Хрущов не є спеціалістом у галузі хроматографії, а критика методу йде від безтолкових референтів. Він був єдиним співробітником Інституту, хто наважився публічно виступити проти створення бригад комуністичної праці.

Хочу трохи доповнити цікаву розповідь Ірини Анатоліївни про свого батька. Вона говорила, що Анатолій Кирилович ще студентом тренувався у веденні диспутів. Тільки тепер мені стало зрозумілим, чому він ніколи не визнавав себе переможеним, навіть тоді, коли був неправий. Вичерпавши всі аргументи, він, як останнє слово, розповідав яку-небудь притчу, наприклад, історію, що трапилась із його батьком-залізничником.

У 1967 р. я взяв участь в одній “несанкціонованій” демонстрації. Протестуючи проти тільки що проведених арештів біля пам’ятника Шевченкові, ми серед ночі пішли до ЦК КПУ вимагати справедливості. Це викликало чималий переполох, але влада вирішила нас не чіпати – розбудили міністра внутрішніх справ і відпустили заарештованих. Анатолію Кириловичу, безсумнівно, через мене добряче дісталось. Він мене викликав, відчитав, а дискусію на національну тему, що розгорілася, закінчив таким чином: “Украину мы потеряли в 1918 году, и ее уже не вернешь. А вы своей деятельностью только испортите себе жизнь. Знаете, что означает фамилия Скоропадского? Скоро упал. Идите работайте, для этого есть все условия. А если собираетесь заниматься политикой, вступайте в партию”.

Анатолій Кирилович часто відмічав, що він є українцем, жартома називав себе “упрямым хохлом”. Він, звичайно, цікавився і українською літературою, але дістати щось гарне з відомих причин було нелегко. Звертатись до мене безпосередньо він не хотів, а свої замовлення передавав через відповідального секретаря редакції “Украинского химического журнала” С. І. Співака. Я діставав потрібну книгу, наприклад, збірку віршів В. Симоненка, а потім запитував у Савелія Ісаковича, чи вона сподобалась Анатолію Кириловичу.